

Силко Э.В.

студент магистратуры

3 курс, юридический институт

Белгородский государственный

национальный исследовательский университет

Россия, г. Белгород

Научный руководитель: Ляхова А.И.,

кандидат юридических наук, доцент

кафедра уголовного права и процесса

Белгородский государственный

национальный исследовательский университет

Россия, г. Белгород

**ПРОБЕЛЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, СВЯЗАННЫЕ С ПРАВОВЫМ СТАТУСОМ
ПРОКУРОРА В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ**

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы, связанные с недостатками правового регулирования процессуального положения прокурора на досудебной стадии уголовного судопроизводства. Приводятся примеры несоответствия норм уголовно-процессуального законодательства сложившейся практике правоприменения, что свидетельствует о необходимости внесения соответствующих изменений в уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное законодательство, уголовное судопроизводство, досудебная стадия уголовного судопроизводства, процессуальные полномочия, прокурор.

Annotation: the article discusses issues related to the shortcomings of the legal regulation of the procedural position of the prosecutor at the pre-trial stage of criminal

proceedings. Examples of inconsistency of the norms of criminal procedure legislation with the current practice of law enforcement are given, which indicates the need to make appropriate changes to the criminal procedure code of the Russian Federation.

Keywords: *criminal procedure, criminal proceedings, pre-trial stage of criminal proceedings, procedural credentials, public prosecutor.*

В соответствии с ч. 1 ст. 37 УПК РФ прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной УПК РФ, осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия.

Установленная данной нормой права совокупность процессуальных полномочий прокурора в целом образует его процессуальный статус в досудебном производстве.

Вместе с тем, анализ отдельных положений ст. 37 УПК РФ и иных статей указанного нормативно-правового акта, регламентирующих порядок осуществления прокурором процессуальных полномочий, позволяет сделать вывод о наличии некоторых пробелов и противоречий в законодательстве.

Один из спорных вопросов связан с полномочием прокурора, предусмотренным п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, - требовать устранения нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания или предварительного следствия.

Такая формулировка закона вызывает несколько вопросов.

Во-первых, является неактуальным и несоответствующим сложившейся практике правоприменения ограничение указанного полномочия прокурора только стадией предварительного расследования: осуществляя проверку исполнения требований законодательства при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, прокурор вправе аналогичным образом требовать устранения выявленных им нарушений.

Во-вторых, остается открытым вопрос относительно правовых средств, посредством которых прокурор реализует анализируемое полномочие.

Так, Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – ФЗ «О прокуратуре») не содержит такого акта реагирования, как требование (за исключением требования об изменении нормативного правового акта, вносимого по результатам проведения антикоррупционной экспертизы). Не предусмотрено требование и УПК РФ в качестве процессуального документа.

С учетом изложенного, формулировка п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ позволяет рассматривать содержащееся в ней полномочие прокурора и как самостоятельный акт реагирования – требование, и как возможность требовать устранения выявленных нарушений в рамках других, регламентированных законом актов реагирования.

Стоит согласиться с мнением П.А. Пригорща о том, что требование прокурора в силу императивности его полномочий может являться составной частью средств выявления нарушений закона, а также актов прокурорского реагирования. Однако реализация полномочия прокурора, предусмотренного п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, связана с применением прокурором требования об устранении нарушений закона как самостоятельного акта реагирования, который вносится субъекту, уполномоченному устранить нарушения закона, и содержит распоряжение прокурора об устранении выявленных нарушений и привлечении к ответственности виновных должностных лиц.¹

Данная точка зрения подтверждается и практической деятельностью. Так, согласно статистическим данным об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь – август 2019 года в ходе осуществления надзора за исполнением законов на досудебной стадии уголовного судопроизводства в порядке п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ направлено 217841 требований об устранении нарушений законодательства. Следует

¹Пригорща П.А. К вопросу о понятии и сущности требования как акта прокурорского реагирования современной прокуратуры // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2011. № 1. С 84.

отметить, что представлений и информации внесено практически в 4 раза меньше - 58575.² Более активное использование такого акта реагирования, как требование, обусловлено тем, что в нем, как правило, отражаются единичные конкретные нарушения, в то время как основанием для внесения представления являются многочисленные либо наиболее грубые нарушения закона.

Таким образом, в п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ необходимо внести изменение, в соответствии с которым уполномочить прокурора требовать от органов следствия и дознания устранения нарушений закона как в стадии предварительного расследования, так и в стадии приема, регистрации и разрешения сообщения о преступлении. Также следует восполнить пробел ФЗ «О прокуратуре» в части законодательного закрепления такого акта прокурорского реагирования, как требование об устранении нарушений закона, порядка его внесения и рассмотрения.

Еще одна норма уголовно-процессуального законодательства, требующая внесения изменений, связана с порядком участия прокурора в судебном заседании при рассмотрении ходатайства следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

Согласно ч. 6 ст. 108 УПК РФ после того, как судья объявит, какое ходатайство подлежит рассмотрению, и разъяснит присутствующим лицам их права и обязанности, прокурор либо по его поручению лицо, возбудившее ходатайство, обосновывает его.

Такое законодательное положение явно не согласуется с ситуацией, в которой прокурор полагает ходатайство следователя необоснованным и не подлежащим удовлетворению.

На данный момент форма участия прокурора в рассмотрении судом ходатайства об избрании меры пресечения состоит в его вступлении в процесс, инициированный другими лицами, в связи с чем прокурор заранее не связан какой-либо позицией по рассматриваемому вопросу, а оценку законности и

² Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь – август 2019 года. URL: <https://genproc.gov.ru/stat/data/1700492/> (Дата обращения: 13.10.2019).

обоснованности ходатайства следователя дает непосредственно в судебном заседании.

Как справедливо отмечают С.П. Щерба и А.В. Попова «прокурор, принимая участие в рассмотрении судом ходатайства следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, как правило, выступает на стороне обвинения, выполняет, прежде всего, надзорную функцию, направленную на соблюдение требований закона при применении указанной меры пресечения, а также на реализацию дискреционных полномочий при оценке фактических обстоятельств дела и обосновании необходимости применения альтернативных мер пресечения. Следовательно, позиция прокурора в процессе может выражать как интересы следствия при поддержании соответствующего ходатайства, так и интересы стороны защиты, в том случае, когда прокурор дает заключение об отсутствии оснований для избрания (продления) меры пресечения».³

Таким образом, норма уголовно-процессуального законодательства, в соответствии с которой прокурор в судебном заседании обосновывает заявленное следователем ходатайство об избрании меры пресечения, подлежит изменению. Представляется, что наиболее верным является такой порядок, согласно которому следователь, то есть лицо, заявившее ходатайство, обосновывает его перед судом, затем свою позицию излагает сторона защиты, после чего прокурор дает заключение об обоснованности или необоснованности заявленного ходатайства. При этом такой порядок не является новым для российского уголовного судопроизводства и на практике, как правило, реализуется именно в таком виде.

Обращаясь к завершающей стадии досудебного производства, следует отметить, что процессуальные полномочия прокурора по поступившему в порядке ч. 4 ст. 225 УПК РФ уголовному делу, оконченому дознавателем, значительно шире, чем по уголовным делам следователей: помимо общих

³ Щерба С.П., Попова А.В. Дискреционные полномочия прокурора при применении меры пресечения в виде заключения под стражу // Законность. 2016. № 1. С. 24.

полномочий, поступившее с обвинительным актом уголовное дело прокурор вправе прекратить по основаниям, предусмотренным ст.ст. 24 - 28 УПК РФ, либо направить для производства предварительного следствия. Кроме того, при утверждении обвинительного акта прокурор вправе исключить из него отдельные пункты обвинения или переквалифицировать его на менее тяжкое.

Возникает вопрос относительно полномочия прокурора прекратить уголовное дело по указанным основаниям, так как ни одна из статей УПК РФ (24 - 28) не содержит указания на возможность ее применения прокурором. Рассмотрим данное противоречие на примере статьи 25 УПК РФ.

Согласно ч. 1 ст. 25 УПК РФ суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора вправе на основании заявления потерпевшего или его законного представителя прекратить уголовное дело в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, в случаях, предусмотренных статьей 76 Уголовного кодекса Российской Федерации, если это лицо примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред.

Во-первых, как было сказано ранее, диспозиция данной статьи упоминает прокурора лишь в процессуальной роли лица, которое правомочно дать согласие на прекращение уголовного дела дознавателю, однако полномочие самостоятельно прекратить уголовное дело не оговорено.

Во-вторых, указанный порядок прекращения уголовного дела предполагает поступление от потерпевшего или его законного представителя соответствующего заявления. Вместе с тем, законодательством не предусмотрено уведомление потерпевшего, равно как и его законного представителя, о направлении уголовного дела вместе с обвинительным актом прокурору, а учитывая ограниченный двумя сутками срок, в течение которого прокурор изучает поступившее от дознавателя уголовное дело, представляется маловероятным, что потерпевший или его законный представитель имеют реальную возможность обратиться с таким заявлением непосредственно к прокурору.

Аналогичная критика применима и по отношению к процессуальной возможности прокурора прекратить уголовное дело по ст. 28 УПК РФ.

Еще большей спецификой обладает порядок прекращения уголовного дела, установленный ст. 25.1 УПК РФ, который влечет назначение меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. В соответствии с данной нормой права единственным субъектом, который вправе прекратить уголовное дело по указанному основанию, является суд.

При этом указанная статья включена в общий перечень оснований, предусмотренных п. 3 ч. 1 ст. 226 УПК РФ, по которым уголовное дело вправе прекратить прокурор, что свидетельствует об оставлении данного противоречия без внимания законодателя.

Таким образом, учитывая непроработанность механизма прекращения уголовного дела прокурором, представляется целесообразным исключить из оснований, по которым он вправе прекратить уголовное дело такие, как примирение сторон, деятельное раскаяние, а также прекращение уголовного дела с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, предусмотренные ст.ст. 25, 28, 25.1 УПК РФ соответственно.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что уголовно-процессуальное законодательство, а также тесно связанные с ним области постоянно находятся в процессе реформирования: законодатель стремится создать такую модель российского уголовного судопроизводства, которая в наибольшей степени будет отвечать его назначению, и на данный момент процесс поиска такой модели продолжается. Вместе с тем, любые изменения законодательства должны согласовываться с ранее действующими нормами права с целью обеспечения наиболее эффективного правоприменения. Прокурор в уголовном судопроизводстве выступает гарантом прав, свобод и законных интересов его участников, обеспечивает законность предварительного расследования, и успешное выполнение им указанных задач во многом зависит от надлежащего правового регулирования его правового статуса, набора процессуальных полномочий и порядка их осуществления. Изложенное свидетельствует о

необходимости приведения уголовно-процессуального законодательства в соответствие с реально действующим правовым статусом прокурора как участника досудебной стадии уголовного судопроизводства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52. Ст. 4921 с изм. и доп. в ред. от 02.08.2019.

2. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Российская газета. 1992 г. № 39. с изм. и доп. в ред. от 26.07.2019.

3. Дикарев И.С. Невмешательство прокурора в деятельность органов предварительного следствия // Российский следователь. 2018. № 12.

4. Коломеец Е.В. Требование об устранении нарушений закона как самостоятельный акт прокурорского реагирования в уголовном досудебном производстве // Сибирское юридическое обозрение. 2017. № 2.

5. Пригорца П.А. К вопросу о понятии и сущности требования как акта прокурорского реагирования современной прокуратуры // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2011. № 1.

6. Ситник В.В. Теоретические аспекты прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими дознание // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 4 (89).

7. Щерба С.П., Попова А.В. Дискреционные полномочия прокурора при применении меры пресечения в виде заключения под стражу // Законность. 2016. № 1.

8. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь – август 2019 года. URL: <https://genproc.gov.ru/stat/data/1700492/>